

Материал для издания предоставил Шевелюк Адольф Михайлович, компьютерная верстка С.В. Конюхова.

Преподаватели
Елецкой
мужской
гимназии

**Педагоги Елецкой мужской гимназии
в 1887\88 учебном году.**

Далеко за пределами Елецкого края известна добрая слава о Елецкой мужской гимназии. Но в каждой бочке меда всегда есть ложка дегтя.

Сначала о стереотипах. Почему-то в литературоведческих трудах о наших земляках М. М. Пришвине и И. А. Бунине сложилось мнение, что мужская гимназия в Ельце давала знания, «три четверти которых ни на что не было нужно, и преподавалось тупо и казенно».

Учителя гимназии, по мнению Бунина, если считать роман «Жизнь Арсеньева» автобиографической повестью «были люди серые, незначительные, среди них выделялось несколько чудаков, над которыми, конечно, в классах всячески потешались и два-три настоящих сумасшедших». Слово в слово повторяют эти нелестные слова Александр Бабореко в своей книге «Бунин». Олег Михайлов в книге «Жизнь Бунина» пишет «...гимназия в Ельце была средней руки провинциальным учебным заведением, и, конечно, не могла оставить того следа в душе Бунина, как скажем, в сознании В. Брюсова или А. Белого классическая гимназия Л. И. Поливанова в Москве (директор, который издал и прокомментировал сочинения Пушкина, написал исследование о Жуковском, переводил Расина и Мольера)». А М.М. Пришвин в своем романе «Кашеева Цепь» приводит такие случаи на уроках, что диву даешься, как такое издевательство над елецкими учителями в своем произведении «Кашеева цепь» пришло в голову почтенному писателю.

Попытаемся разрушить этот стереотип. О печатных трудах. Их имели и директор Елецкой гимназии Закс и инспектор Федюшин. Казанцев Николай Константинович, преподаватель географии написал учебник «Русская география». Ферри Вячеслав Николаевич преподаватель русского языка имел труд «Хрестоматия избранных произведений в стихах». А, если вспомнить. Розанов В.В. – в дальнейшем виднейшего философа, который в Ельце написал несколько своих работ, виднейшего переводчика с греческого Первова, то видно, что и в Ельце было не хуже, чем в Москве, у Поливанова. Заметим, что и Первов, и Смирнов, и Кедринский потом работали в Москве. Кедринский директором гимназии, Смирнов в Московском университете, а Первов стал замечательным

московским педагогом. Не правда ли, что эти данные несколько расходятся с данными хулителей?

Пойдем дальше. Любая школа славится не столько своими учителями как учениками. Так вот, в последнее время исследователи в Московском университете подсчитали в промежуток времени с 1881 года по 1916 окончивших его и рассмотрели города и гимназии, откуда эти выпускники пришли. И вот факт: «елецкий интеллектуальный феномен», так они назвали получившийся результат. Подсчет количества будущих студентов, получавших среднее образование в разных городах России, позволяет установить, что Орловская губерния занимает по этому показателю второе место среди всех регионов Российской империи (1063 человек), а Елец с большим отрывом выходит на первое место среди всех уездных городов. Деятельность открытой в 1871 г. Елецкой мужской гимназии обеспечила подготовку 337 выпускников старейшего и крупнейшего вуза России, что составило 32% от всех уроженцев Орловской губернии и 1,2% от всех выпускников университета за изучаемый период. Размеры елецкого землячества превышали таковые большинства российских губерний! Например, Пензенская губерния дала 323 выпускника, а Курская — 278. Для сравнения укажем ближайших «конкурентов» Елецкой гимназии среди уездных учебных заведений: Вяземская земская гимназия — 296 человек, Шуйская гимназия Владимирской губ. — 228, Рыбинская гимназия Ярославской губ. — 198. Таким образом, среди всех уездных уроженцев, получивших за 40 лет университетское образование, ельчане составили 7,1%. Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что елецкая молодежь внесла весомый вклад в становление национального, интеллектуального потенциала. А выпускники елецкой гимназии учились ещё и в Казанском, и в Киевском, и в Харьковском университетах. А сколько детей богатых дворянских семей были студентами Петербургского университета и Николаевской кавалерийской школы (Высшее военное учебное заведение). Вот вам и уезд-городок.

И только по прошествии нескольких лет происходит переоценка ценностей. Бунин посещает в 90-е годы два раза новогодние балы в гимназии, а Пришвин, написал в своем дневнике «24 октября 1944 г. Вспомнил, как я несправедливо выступил в «Кашеевой цепи» против учителей Елецкой гимназии. Нужно было пройти таким 60 годам, чтобы учителя были поняты мною, как хорошие учителя».

Да и Бунин в том же произведении «Жизнь Арсеньева» описал и елецкую гимназию (А больше он нигде не учился), и учителей и учеников явно с положительной стороны. Вот типичный пример елецкого учителя в «Жизни Арсеньева» в классе: «... первое появление в классе учителя, его фрака с журавлиным хвостом, его сверкающих очков, как бы изумленных глаз, поднятой бороды и портфеля под мышкой...». На «табельном дне» на торжественной обедне в соборе: «Учителя в мундирах, в орденах, в треуголках».

А вот и гимназисты: «Все с иголочки, все прочно, ловко, все радуется: расчищенные сапожки, светло-серое сукно панталон, синие мундирчики с серебряными пуговицами, синие блестящие картузики на чистых стриженных головках, скрипящие и пахнущие кожей ранцы, в которых лежат только вчера купленные учебники, пеналы, карандаши, тетради...» И сама гимназия: «Чистый каменный двор ее, сверкающие на солнце стекла и медные ручки входных дверей, чистота, простор и звучность выкрашенных за лето свежей краской коридоров, светлых классов, зал и лестниц. Звонкий гам и крик несметной юной толпы, с каким-то возбуждением вновь вторгшейся в них после летней передышки, чинность и торжественность первой молитвы перед ученьем в сборной зале...».

Выпускник Елецкой гимназии Кричевский А.М пишет: «Гимназия давала глубокие и прочные знания, которые пригодились мне на всю жизнь ... Богатство и влияние не решали успеха... Строжайшая дисциплина и порядок дали мне для жизни большую закалку, которую чувствую и поныне». Я думаю, что большинство выпускников елецкой гимназии думали также.

Немало уроженцев елецкого края, связавших свою судьбу с Московским университетом, стали крупными деятелями отечественной науки и культуры. Отметим здесь выдающегося русского философа С.Н. Булгакова — выпускника юрфака 1894 г., преподававшего затем в университете, Андрея Ивановича Шингарева — одного из лидеров кадетской партии, ставшего в 1917 г. министром во Временном правительстве (он последовательно окончил два факультета — физико-математический в 1891 г. и медицинский в 1894 г.). Из имевшего прочные университетские связи рода (Пятеро Бутягиных закончили МУ) вышел ректор университета в 1934—1943 гг. Алексей Сергеевич Бутягин (1881—1958), учившийся в местной гимназии до 1891 г. и др.

Цель нашего рассказа – это дать краткие сведения об учителях

гимназии, сфотографировавшихся в конце 1887\88 учебного года на общую фотографию. Как и во всех гимназиях, они были разными: и замечательными педагогами (Закс, Федюшин, Кедринский, Первов, Берг, Лукашов, Смирнов, Демидов, Розанов, Селехов, Сапегин, Фишер), так и обычными середнячками (Постников, Леонов, Петропавловский, Арцыбашев), так и теми, кому не надо было учить детей (Десницкий, Клушин, Моррисон). Но даже из простого перечисления видно: каких преподавателей больше и почему случился елецкий феномен.

Из небольших биографических справок может сложиться впечатление, что елецкие педагоги были черствыми и слишком педантичными. Ничего подобного: вот, например, шутливый учительский гимн, сочиненный Андреем Владимировичем Захаровым.

*Да будет у нас неизменна
Гимназии слава и честь,
Да будет всегда в ней отменный
Состав педагогов как есть!
Да здравствует вечно Федюшин
И гроза всей гимназии Клушин.
Да здравствует Павел Первов
И строгий Михаил Смирнов,
Да здравствует Постников грозный
И Гавриил Никитич серьезный! (Селехов - законоучитель)
Виват Фишер тароватый (С ударением на второй слог)
Преферанса любитель завятой,
Да здравствует строгий и важный
Берг дуэлянт наш отважный!
Виват товарищ наш верный
Моррисон англичанин примерный.
Виват Сапегин прилежный
Птенец обольстительно нежный,
Да здравствует дед наш Леонов
И Федор сын Аполлонов! (Арцыбашев)
Да здравствует месье Лукашов
И наш Дон-Жуан Желудков!
Виват гроза самоваров
Феоктистов, а также Захаров!
Да здравствуют все педагоги,
Да хранит им бог в целости ноги.*

А.М. Шевелюк

Закс Николай Александрович, директор. (1842-1892)

Латыш по национальности, выпускник Московского университета. В феврале 1882 г. назначен директором Елецкой мужской гимназии с целью подтянуть дисциплину, так как предыдущий директор, Филипп Степанович Воронов, был нетребователен и добродушен. Указом Правительственного сената за №111 от 15 ноября 1882 г. ему было присвоено звание действительного статского советника, равного званию генерал-майора по табелю о рангах. При обращении к нему нужно было применять термин «Ваше превосходительство». Из государственных наград Николай Александрович имел орден Анны 2-ой степени и ордена Станислава 2 и 3 степеней, а 15 мая 1883 г ему вручают орден Святого Владимира 4-ой степени. Николай Александрович был самым титулованным чиновником в то время в Ельце.

Налаживать дисциплину пришлось, теряя любовь и признательность гимназистов и некоторых педагогов. Начиная с укрепления дисциплины среди педагогов. Опоздания учителей на уроки прекратились и даже самые ленивые вынуждены были писать конспекты уроков. Все учителя должны были вводить директора или инспектора в курс своей жизни. Описан случай с молодым учителем географии Андреем Владимировичем Захаровым. Тот вроде бы решил жениться на девице по фамилии Фроловой, при этом должен был получить разрешение начальства, но почему-то директор Закс и законоучитель Селихов были против. Они Захарова отговорили. В конце учебного года Захаров перевелся в Нижний Новгород и там покончил с собой.

Для гимназистов ввели два звонка на урок. После первого звонка ученики должны были сидеть за партами, после второго звонка начинался урок. Д.И. Нацкий вспоминает, что однажды он не успел после первого звонка в класс, и его надзиратель Арцибашев поймал и поставил в коридоре к стенке. На беду проходил по коридору директор. Он рассердился и приказал оставить провинившегося без отпуска домой на Пасху. Надзирателям директор предложил посещать все присутственные места, где бывали гимназисты, как-то городские сады, каток и т.д. Они должны были там присутствовать, чтобы у гимназистов не появлялось желания совершать неблагоприятные поступки. Может быть, директор увлекся наведением

дисциплины и переусердствовал, так как его ученики сочинили впоследствии много легенд о противостоянии.

Из года в год в статьях приводится случай с И.А. Буниным. Кстати он сам этот эпизод не описывал, а рассказал Бахраху, и тот записал его в своей книге «Бунин в халате». «Директором моей гимназии был старичок из балтийских немцев по фамилии Закс, плешивый, с заостренным черепом. Пришел он как-то на мое горе на урок математики, которую я с колыбели люто ненавидел. Я рассеянно сидел за партой, обмахивался тетрадью, потому что от моего соседа изо рта несло пшеном, а от сапожищ дегтем, и думал о моей горькой судьбине. Неожиданно меня вызвали к доске, на которой красовались нарисованные мелом какие-то никому ненужные треугольники с таинственными обозначениями на их верхушках. Мне задавали какие-то вопросы... один, другой... я стоял как вкопанный с мелком в руках, ничего не понимал и молчал. Директор с жалостью посмотрел на меня и во всеуслышание на весь класс процедил:

-Тупоголовый!

Это было последней каплей, и такого я стерпеть не мог. Я надменно посмотрел на него, точно внезапно пробудился, и тем же тоном ответил ему:

-Остроголовый!

Скандал получился невообразимый. Меня хотели исключить из гимназии. Отца вызвали из деревни для объяснений.... Историю эту как-то замяли, а гимназию я вскоре навсегда покинул по собственному желанию».

Но, посмотрим на запись разговора. Сразу виден сарказм. Буквы в вершинах треугольника названы «какими-то таинственными знаками», сосед пах пшеном и дегтем, и судьбина то у Бунина горькая. Ну, все плохо, а тут еще директор лезет в душу. Но мог ли ученик, сын какого-то захудалого дворянчика, да еще кое-как учившийся, обойтись в разговоре с директором без обращения «Ваше превосходительство!». Нет, не мог, только во сне или в мечтах.

Почему-то этого эпизода нет в дневниках Бунина и в воспоминаниях учеников гимназии. А случай этот из вон выходящих, и в елецкой гимназии единственный, то есть забыть его было абсолютно нельзя. Конечно, живя в демократической Франции 20 лет, Иван Алексеевич забыл о нравах в гимназии, об обращениях по чину, вот и «вспомнил» эпизод.

Теперь вспомним, как за оскорбление учителя наш другой земляк Пришвин был выгнан с позором и с волчьим билетом из гимназии. А тут директор, генерал, и по выражению не то Бунина, не то Бахраха «историю как-то замяли». Все это кажется неправдоподобным.

И, зная мстительный характер Бунина и то, как он «отомстил» в том же романе Варе Пащенко – умертвив, ее намного раньше отведенного ей срока, можно с девяносто процентной вероятностью отнести этот рассказ Бунина к мифологии. Посмотрим как тот же Иван Алексеевич разделался с директором в «Жизни Арсеньева». На уроке греческого языка, когда учитель что-то писал на доске, Алеша читал книгу. Вдруг вошел директор, «направился ко мне. Вырвал у меня из рук книгу и бешено крикнул:

-Пошел до конца урока в угол!

Я поднялся и, бледнея, ответил:

-Не кричите на меня и не говорите мне «ты». Я Вам не мальчик...». Это совсем другая версия грубости директору. В книге этот эпизод относится к третьему классу. Так что можно удивиться, что в 14 лет Арсеньев требует обращения к себе как к взрослому. И вновь директор себя ведет, как разнузданный человек с рынка. Написание романа в конце жизни вновь ставит проблемы воспоминаний детства. С вершины жизненной пирамиды мы себя в детстве видим значительней, чем были на самом деле. И придумываем эпизоды из школьной жизни, где мы боролись с директором или завучем школы и побеждали их. То же и с этим эпизодом. Но это роман и, так сказать, литературные переосмысления. Но несложно уловить, как Бунин не любил гимназию и всю ненависть скинул на ее директора. В этом же романе Иван Алексеевич очень плохо отозвался и об учителях.

У того же Бахраха встречаем другой рассказ Бунина: «В елецкой гимназии, в которой я учился, преподавателем русского языка был одно время

Василий Васильевич Розанов. Я не успел его застать, закончив, как вам известно, мое образование четвертым классом.

Но однажды, уже будучи молодым литератором, я посетил Елец и был приглашен на какой-то гимназический вечер. Я был почетным гостем, бывшим питомцем гимназии, окруженным ореолом славы. Старичок-директор все еще был на своем посту. Беседуя с ним, мне захотелось расспросить его о Розанове, который всегда меня интересовал. Директор замахал на меня руками:

-Ну, что вы хотите - сумасшедший... Преподавая свой предмет, он обращался к ученикам: "Вы меня понимаете? Нет; ну, это очень хорошо, это прекрасно – настоящая мудрость именно в том, чтоб не понимать..."

Почему и этому «воспоминанию» нельзя верить? Известны посещения Буниным своей гимназии. Это на новогодних балах в 1896 и 1897 гг, а также когда он приходил за документами, чтобы узаконить свое дворянство в 1898 г. А Закс умер в 1892 году. Так, что

тот «старичок-директор, который был все еще на своем посту» был уже не Закс, да и не старичок. Что это простая забывчивость или незнание всем известного факта? Так кто рассказывал Бунину о Розанове? Да и был ли этот рассказ? Можно также заметить, что до 1892 г. ни Бунин ни Розанов не были «окружены ореолом славы». Еще время не подошло. Всего вероятнее, это литературное творчество, ничего не имеющего с реальностью. Таким образом, исследователи часто употреблявшие это «воспоминание» в работах о преподавании Розанова в Елецкой гимназии оказались в заблуждении.

Приемная директора находилась на втором этаже гимназии, и в 1885 г. в сентябре по лестнице поднимались четверо мальчишек-беглецов, бежавших то ли в Азию, то ли в Америку. Среди них был и Миша Пришвин, весь залитый слезами. В общем, нарушение-то было не в гимназии и не было злостным. Но борцы за дисциплину ухватились за этот факт, как за случай, который бы ее укрепил. Был собран педсовет, одного исключили, других крепко-крепко наказали.

Николай Александрович очень хорошо знал литературу древней Греции и древнего Рима. Когда он рассказывал, то зажигался и не замечал окончания урока. Большинство учеников полюбили его предмет. Д.И. Нацкий вспоминает, что он на всю жизнь запомнил «Метаморфозы» Овидия, «Энеиду» Вергилия, «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря и «Речь за Сикста Росция Америкского» Цицерона.

29 января 1883 г. в ознаменование 100-летнего юбилея В.А. Жуковского Николай Александрович в зале гимназии на торжественном акте в присутствии учителей и учащихся произнес речь о значении Жуковского для русской литературы и истории. Эта речь была опубликована во многих столичных газетах и журналах.

В 1886 г. министр народного просвещения Делянов издал циркуляр иронически называющийся «о кухаркиных детях», где указывалось на то, что бедным в гимназии не место, и их отсюда нужно удалять. Однако к чести директора гимназии Закса нужно сказать, что случаев удаления бедняков из Елецкой гимназии не было.

Николай Александрович заботился о своих педагогах, и, если посмотреть в «Табель о рангах» учителей Елецкой гимназии, то видно, что почти каждый учитель Елецкой мужской гимназии достигал в конце службы чина статского советника (гимназия полковников), потолка для учителей. А это вело к безбедному существованию, получению значительных льгот. Причем, по документам видно как педагоги при его директорстве поднимались от 10-го класса до 5-го. Такой карьерный рост был в конце XIX века у педагогов провинциальных гимназий очень редок.

10 октября 1892 г. Николай Александрович умер от воспаления легких, к сожалению, антибиотиков тогда не было.

В заключение приведу высказывания о нем ученика и учителя. М. М. Пришвин: «Был среднего роста, худой, с небольшой рыжей бородкой. Латинский язык преподавал хорошо, и его предмет любили. Очень требовательный. Чем он остался хорош: только тем, что был строг и справедлив».

В.В. Розанов: «Был очень хороший директор, покойный. 1913 г. его уже не было, Николай Александрович Закс: строгий, добрый, заботливый об учениках, «гроза» снаружи и медь внутри. Он никого не оскорбил никогда, все сберег, что смог, - был учен и был превосходный преподаватель на уроках (древние языки в старших классах). Вечная ему память».

Закс жил по улице Торговой в доме Колпенских. Его жена Закс Вера Николаевна, преподавала французский язык в Женской гимназии..

Арцыбашев Федор Аполлонович

Преподаватель гимнастики – отставной капитан, надзиратель в старших классах мужской гимназии, размещенных на втором этаже. Член педагогического совета. Кличка у него была «Федор Панталонович». В последние годы имел другую кличку «Заяц» из-за глаз, которые были на выкате как у зайца.

На Арцыбашева, было возложено обязательство ходить по воскресеньям на зимний каток, - вовсе не для того, чтобы «ловить бы учеников, как воображает обычно печать и общество, а для того, что в его присутствии ученики будут сдержаннее и не позволят себе недозволенного, - например, неприличного». Кроме этого, надзиратели должны были присутствовать на постановках театра, чтобы выводить из зала гимназистов. Почему-то гимназическое вето было наложено на посещение многих театральных постановок.

Он был очень подвижен, зорко следил за поведением гимназистов и о нарушениях всегда сообщал классному наставнику, а то и директору. По его сообщениям всегда следовали наказания нару-

шителям внутреннего распорядка в гимназии, и даже исключения. За это его не любили и часто на улице ему вдогонку кричали «Заяц! Заяц!» Перед гимназией работал в Александровском техническом железнодорожном училище в г. Ельце надзирателем и преподавателем гимнастики.

Он, до самозабвения, относился к своей работе, выполняя её даже, если на него потом сыпались оплеухи от сильных мира Ельца. Например, на весь Елец прогремело дело о бильярде. Ученик 6-го класса Михаил Денисов с товарищами пристрастились к игре на бильярде в бильярдной при трактире Прусакова на Соборной улице. Они даже бахвалились этим занятием. Когда об этом узнал Арцыбашев, то, пригласив полицейского пристава, нагрянул в трактир с парадного и черного ходов одновременно и накрыл игроков. Пойманные гимназисты были подвергнуты различным взысканиям. Денисов несколько воскресений отсидел в карцере. А вот трактирщика за допущение в трактир молочеток судили. И назначили ему огромный штраф.

В 1896 году купил типографию, но работу не оставил. Было также известно, что он занимался ростовщицеством.

Жил за р. Сосной в доме Греченко по улице Безымянной.

Берг Владимир Владимирович.

Учитель немецкого языка Мужской гимназии в конце XIX в. Поступил в гимназию в 1888 г. надворным советником, затем в 1891 г. получил чин коллежского советника. Когда увольнялся из гимназии 1895 г., он уже был статским советником. Это пятый класс по «Табелю о рангах». Соответствовал полковнику. К нему должны были обращаться: «Ваше Высочорodie!» Член Педагогического совета.

По национальности немец. Очень аккуратный, старательный и педантичный преподаватель, всегда имеющий план на день в своей записной книжке. Существовала легенда среди гимназистов, что он составлял планы, кого спросить по своему предмету и когда провести контрольные работы, заранее, на летних каникулах. И поэтому многие старались добыть эту книжку. Но педантичный Владимир Владимирович, как и все немцы, никогда ее не оставлял на столе после своего урока.

По-русски говорил с ошибками. Так он утверждал, что вместо «мы это не учили», надо говорить «мы это не учились» и при этом повторял: «Не учили, а учились; я учу, вы учитесь».

Многие его выражения на уроках ученики запомнили на всю жизнь. Так он сказал Д. Нацкому: «Вы, Нацкий, и ваш друг Глаголев отчаянные шалуны, а ученик Лоренс порхает между вами, как маленький воробей».

Был вежливым и, даже когда ругал ученика, говорил «Вы – дурак». Ученики не особенно его боялись и на уроках шалили. Будущий адвокат, ученик третьего класса Лев Корякин любил злить Берга. Вызывает его учитель к доске, а тот молчит. Берг ставит ему единицу, а Корякин нагло заглядывает в журнал. Берг спрашивает: «Что вам нужно?» Корякин отвечает при смешках с парт, что хочет посмотреть, какую оценку он получил за свое молчание.

Неожиданно в 1895 г. по городу прошел слух, что сын директора гимназии, Симсона застрелился. Но самое удивительное, что он покончил жизнь самоубийством из-за ссоры с преподавателем Бергом! Так это было или не так, но в следующем месяце В. В. Берг уже работал в городе Орле, в городской гимназии.

Демидов Иван Иванович.

Преподаватель математики мужской гимназии в последние два десятилетия XIX в. Надворный советник. VII класс по «табелю о рангах», соответствовал военному званию подполковник. К нему гимназисты должны были обращаться так: «Ваше высокоблагородие!».

Предмет знал, преподавать умел. Был прижимист на оценки. «Поставлю пока вам балл «удовлетворительно», ну, а следующая отметка уже будет «хорошо». Но следующая контрольная была с тем же «троечным» успехом.

Был франтом, носил кудрявую до плеч шевелюру, которую очень долго расчесывал перед зеркалом в швейцарской. Надушен был так, что, войдя в класс, где перед тем давал урок Демидов, не надо было спрашивать, кто его проводил. Из-за своей гадливости он дверь открывал не рукой, а классным журналом. Существовала легенда, что он тетради проверял, надевая перчатки. Гадливость учителя

использовали гимназисты. Он обычно во время контрольных работ любил находиться в конце классной комнаты, чтобы наблюдать, не списывает ли кто, но достаточно было плюнуть в проходе между партами, чтобы дорога его была перекрыта.

Был очень завистлив. Так, он ненавидел другого учителя математики Клушина, называя его «тот преподаватель» на своих уроках. Поэтому любил слушать о нем всякий вздор. Нацкий Д.И. вспоминает о таком эпизоде. «Ученик Глаголев, отвечая урок, сказал «случай» с ударением на «а». Демидов сделал замечание, на что Глаголев ответил «У того преподавателя мы всегда так говорили». Демидов так и просиял от удовольствия.

Десницкий Михаил Васильевич.

Преподавал латинский и греческий языки в Мужской гимназии в последние два десятилетия XIX века. С 1890 г. статский советник. V класс по «Табелю о рангах». К нему гимназисты обращались «Ваше высококордие».

Учитель он был никуда не годный, но его любили за возможность на его уроках ничего не делать. Он был не столько добр, сколько бесхарактерен, поэтому научить никого не мог. На уроках стоял шум, ученики занимались, чем хотели и даже читали вслух романы. Галерка обычно с началом урока Десницкого начинала резаться в карты и так до звонка с урока.

Можно было с учителем обращаться панибратски, дать ему книгу, чтобы он тоже, заинтересовавшись, читал бы эту книгу как можно больше на уроке, чтобы не спрашивал домашнее задание. Нацкий Д.И. запомнил случай с книгой Золя «Нана». Повертевши книгу, Михаил Васильевич неожиданно выразился: «Такие книги могут читать только старички лет пятидесяти».

Его любимой фразой была: «Давным-давно не спрашиваемый, но отлично знающий такой-то», и в это время он выбирал по классному журналу одного из выдающихся лентяев. Очень часто ученик отвечал урок, а учитель разговаривал о чем-то с классом и обрадованный гимназист плел невообразимую галиматью, так как было правилом не учить историю. Когда отвечающему надоело это занятие, то кто-нибудь из класса говорил «Михаил Васильевич! Он кончил» И ученик за такой «ответ» получал «тройку».

Он любил симпатичных гимназистов. Так, имеющего смазливую, женоподобную физиономию Михаила Денисова – шестиклассника часто спрашивал и ставил ему только хорошие отметки. При этом на гимназиста смотрел умиленными глазами. Но Денисов его не любил, так как приходилось все время готовиться к урокам Михаила Васильевича. Очень редко Десницкий раздражался какими-либо выходками, выходил из себя, и тогда никакими извинениями его нельзя было умиловить, но это случалось, только тогда, когда задевали лично Десницкого.

О его моральном состоянии можно узнать из воспоминаний Первова, который рассказал о дружеской холостяцкой попойке у учителя женской гимназии Желудкова: «Здесь слово за слово разгорелся спор между Розановым и Десницким, который «на все корки» честил философию и философов, крича с азартом: «И мы тоже кое-что понимаем!». В разгар спора Десницкий схватил с полки книгу «О понимании», преподнесенную Розановым Желудкову, положил ее на пол, расстегнул брюки и обмочил ее, при общем хохоте всех присутствующих повторяя: «А ваше понимание, Василий Васильевич, вот чего стоит».

Нацкий вспоминает, что Десницкий вообще за что-то не любил Розанова. Недалекий и немного глуповатый учитель, конечно, завидовал человеку, у которого были печатные труды, и который переписывался с виднейшими философами России Страховым и Леонтьевым. И на уроке при гимназистах рассуждал о никчемности философии. При этом гимназисты тоже включались в его рассуждения, называя Розанова Васькой. Десницкий этому только радовался.

По гимназии ходил слух, что артистка Елецкого театра Стрельская очень нравилась Десницкому. Поэтому на уроках велись разговоры о том, что она делала в свободное время, о том как она играла в театре и т.д.

Как и во всех остальных гимназиях были и Розановы, Первовы, Кедринский, Федюшины, так и мелькали Десницкие. А вот уравниловка была и в царские времена. Ведь чин статского советника Михаил Васильевич получил за выслугу лет, какая бы она ни была.

Кедринский Александр Антонович.

Преподаватель латинского и греческого языков Елецкой Мужской гимназии. Статский советник с 1890 г. V класс по «Табелю о рангах». К нему обращались так: «Ваше высочорodie». Член Педагогического Совета Мужской гимназии.

Имел очень громкий голос. Часто выступал на годичных актах в гимназии. Так, ученик 5 класса Михаил Долгов в сочинении о годичном акте в гимназии, живописуя впечатление от речи учителя,

писал, что трясся в лихорадке, слушая громогласный голос Кедринского.

Будучи в елецкой гимназии библиотекарем, он очень хорошо относился к Дмитрию Нацкому, давая ему хорошие книги, причем больше одной книги в неделю. Когда Нацкий занимал должность кандидата в Окружном суде (денег не получал) Кедринский помог ему найти место репетитора. К нему же обращается за советом Розанов В.В. после «выступления» на уроке ученика Михаила Пришвина 18 марта 1889 г. Дело в том, что Кедринский был в это время классным наставником класса, где учился Михаил Пришвин. Александр Антонович сказал: «Напишите докладную записку». Василий Васильевич последовал его совету.

Прозвище «Хряк». За толщину и манеры. Его не любили за строгость и придирчивость.

Жена Мария Павловна Кедринская преподавала математику в женской гимназии.

В дальнейшем он стал директором одной из московских гимназий. Еще работая директором, он стал слепнуть, заболел и неожиданно скончался.

Родственником у Кедринского был какой-то придворный протопресвитер. Может, благодаря его протекции, Кедринский и стал работать в Москве.

Клушин Василий Виссарионович.

Преподаватель – арифметики, алгебры, геометрии и тригонометрии Елецкой мужской гимназии с 1873 г по 1895 г. Член Педагогического совета гимназии. Прибыл он в гимназию в чине титулярного советника (IX класс), здесь в 1874 г. он получает чин коллежского асессора (VIII класс), а в 1891 г. он уже статский советник (V класс). К нему обращаются «Ваше Высокородие!». Он же все это время преподает математику в Первом техническом железнодорожном училище имени императора Александра II «при Орловско-Грязской линии» Юго-Восточной ж.д.

В гимназии ходила песенка, в которой он выглядел так: «И профессор водки Клушин». А в учительском «гимне»: «И гроза всей гимназии Клушин». Гимназисты считали, что Василий Виссарионович сам математику знал плохо. Математика обычно не любят те, кто очень плохо в ней соображает. Так, Нацкий приводит в пример гимназиста Фаддея Доманского, который боялся Клушина как огня. Теперь бы мы сказали, что у Доманского были гуманитарные наклонности. Преподавание Клушина сводилось к зубрежке. Объясняя теорему, он постоянно заглядывал в учебник. «Иногда, чтобы затянуть урок мы говорили ему, что заданную нам часть

никто не решил. Клушин пытался решить ее на доске, но это обычно занимало весь урок, что нам только и надо было. Так бывало ни один раз и кончилось тем, что учитель прекратил свои попытки решать задачи в классе, а брал их на дом, и их ему решал учитель женской гимназии В. Я. Желудков».

Клушин был классным наставником у Нацкого. Один из гимназистов Семен Антоновский был пойман надзирателем Арцыбашевым на галерке Елецкого театра, понес наказание, но после этого Клушин целый год на каждом уроке спрашивал Антоновского: «В театре был?» - «Был», отвечал Антоновский. «На галерке?» - На галерке, - следовал ответ. После этого Клушин обращался к классу со словами: «Несчастный человек: отец у него сумасшедший, мать сумасшедшая, и сам он сумасшедший!» Эти слова тем более возмутительны, что Антоновский имел несчастье быть сыном душевнобольного человека.

Однажды Клушин удивил весь класс, закричав вдруг во время объяснения теоремы на ученика Монастырева: «Что мы свататься едем?» Оказалось, учитель увидел выбившийся из-под куртки кончик крюка от часовой цепочки. За малейший проступок Клушин карал арестом не менее 2-х часов. «Поэтому мы были рады, когда в августе при поездке в свое имение в Ливенском уезде наш учитель сломал ногу и отсутствовал до января».

Заметим, что это писал не совсем спокойный и дисциплинированный в то время ученик, плохо разбирающийся в математике. Отметим, что Нацкий сам пишет, что Клушин пересадил его, второгодника, на первую парту, и он был очень недоволен, что его перевели «с Камчатки в Москву». Но это было одним из результатов того, что Нацкий вдруг стал первым учеником.

Клушин обходил в четвертом классе квартиры своих гимназистов и сразу же отметил, что у гимназиста Нацкого нет своей кровати и письменного стола и пригрозил, что если требование не будет выполнено в назначенный срок, гимназист будет переведен на другую квартиру. Пришлось хозяевам купить кровать и стол обтянуть клеенкой. Непонятно, почему Д.И. Нацкий это преподносит как отрицательную сторону работы Клушина. Назойливый что ли? Но мне кажется, что это педантичное выполнение своей работы пошло на пользу ученику.

Леонов Иван Павлович. (? - 1888 г.).

Начинал работать в Ельце учителем русского языка в Елецком уездном училище в 1870 г. Чин у него в то время был - губернский секретарь (12 класс). С 1875 г. он работает в Мужской гимназии сначала в том же чине, в соответствии со стажем получает при

службе в гимназии следующие чины, и в 1888 году он – надворный советник (VII класс)

Полный, почти толстый, и очень высокого роста, лет 50. Холостяк. В гимназии он работает помощником классного наставника или, как его величали в гимназии, надзирателем 1-4 классов. Эти классы находились на первом этаже гимназии.

Нацкий вспоминает: «В третьем классе мы помещались на нижнем этаже. Присмотр за нашим поведением надзирателем Иваном Павловичем Леоновым был слабый. Прозвище у него было «Пузо». Это был толстый седой старик с большим брюхом. Такого брюха я в жизни не встречал...

Он был по душе недурной человек, хотя иногда в раздражении подвизывал подзатыльники малышам, с которыми он исключительно и возился, но за это никто не обижался, - шлепки были не по злобе и не тяжелые. Третий класс у него уже считался старшим, и на переменах Иван Павлович редко в него заглядывал, так как третьеклассники вводили его в заблуждение своим образом действий. Шум, драки и шалости были постоянными занятиями третьеклассников, но надзиратель этого не подозревал, так как у них пока Иван Павлович возился с малышами, у двери стояли дозорные, которые своевременно извещали о том, что «пузо» направляется в третий класс. Получив такое сообщение, прекращали беспорядок, садились за парты, усердно глядя в книги при гробовой тишине».

Шалившие ученики заносились в кондуит, который передавался надзирателю, последствием чего было оставление без обеда. О такой каре Иван Павлович после уроков, смотря в кондуит, объявлял провинившемуся, но, однако, никого не оставлял. Наказанные спокойно шли мимо Ивана Павловича в раздевалку, громко выкрикивая: «До свидания Иван Павлович!»

Был очень одинок и поэтому, когда приехал другой одинокий человек Василий Васильевич Розанов, они стали друзьями. Вот как описывает встречу с Леоновым будущий философ: «Жил на краю города, на самом краю. Приехав в Елец и «делая визиты знакомства», я пошел к нему как почти уже «к не учителю», последним: и издали услышал звон птиц, почти, что с угла улицы. Дальше иду - звон все сильнее. Бог знает что, и Бог знает сколько. Подхожу к дому: попал буквально в певчий птичник. «Что это такое Иван Павлович?» - спрашиваю его, выходящего в сени навстречу. У него

была добрейшая и какая-то благородная, и тонкая улыбка на очень полном и грузном лице.- «Это мои дети, - пробасил он. - Что же, живу один, никого нет. Пусть будут птицы».

Так он жил всеми любимым и уважаемым, от директора до последнего ученика. Но в 1886 году случилось то, что выбило его из колеи до конца жизни. Вот, о чем сообщает В.В.Розанов в письме к Страхову. (Рассказ сокращен)

На него, как и на другого надзирателя для старших классов Арцыбашева, было возложено обязательство ходить по воскресеньям на зимний каток, - вовсе не для того, чтобы «ловить бы учеников, как воображает обычно печать и общество, а для того, что в его присутствии ученики будут сдержаннее и не дозволят себе недозволенного, - например, неприличного». В противоположность Леонову Арцыбашев был нелюбим. Был один дурной исключенный давно ученик (Рыльцевич), а теперь уже великовозрастный сын, лет 17. И решился он «отомстить и побить» Арцыбашева: но, придя на каток, увидел не Арцыбашева, а Леонова. Он был и питомцем Леонова, так как Леонов служил с незапамятных времен. «Ну, все равно», - решил он, и тут вслух, и как потом сказал на суде. И он быстро пошел на него, с угрозами и ругательствами, Леонов и по летам, и по росту был медлителен и неуклюж. На катке никого не было (надзиратель бывал для «возможных придти»), и, видя положение - Леонов стал уходить домой. Рыльцевич за ним. Дальше рассказ самого Леонова мне: «Иду я, и все он старается стать впереди меня, заскочить вперед, - но я то или перехожу на дорогу с тротуара, или с дороги на тротуар, то вообще поворачиваюсь к нему или боком, или спиной. Но (при повороте или что) там-то не успел. Он заскочил вперед... и сделал это (ударил кулаком по лицу)... Леонов подал на него в суд. В «защитники» исключенного и побившего Рыльцевича выступил местный наиболее знаменитый адвокат Александр Павлович Бутягин - с надеждою сказать громовую речь против жестокого режима гимназий, только бездушного и только формального, «который доводит вот до чего». Этот Александр Иванович был и сам питомец этой гимназии, т. е. питомец побитого Леонова. Ну, произнес речь: побившего приговорили что-то к месяцу ареста, и в силу просьб и «разъяснений» на суде адвоката - арест был заменен «домашним арестом». Жизнь испорчена на самом склоне, отравлены последние дни старика.

Однако «Бог поругаем не бывает»: знаменитый адвокат, говорун и с интересами к литературе, виднейшее лицо города, все вел «крестьянские дела о чем-то: вел...вел...успешно...успешнее... Когда вдруг стали спрашивать какие-то деньги, и их у него «не оказалось», - не свои деньги, а эти крестьянские... был лишен права ведения дел, - и в необходимости как-нибудь выкарабкаться» взял заимообразно

у всех, что можно, и у отца-протоиерея, и у местной мелкоты вокруг. Жена, отошедшая от него (и вышедшая замуж за одного видного московского присяжного поверенного, - как «первая любовь» его, и теперь очень счастливая) передавала мне, какой тайный ужас несла она 20 лет. Вообще - одна из темных и страшных провинциальных историй».

Он умер в 1888 г. от рака желудка. Похоронили его на кладбище слободы Аргамачи, где его брат отец Яков Леонов был священником. О его последних днях вспоминает В. В. Розанов: «Ничего не болит, Василий Васильевич», - говорил он мне, когда посетил его перед смертью. Он сидел на лежанке, в вяленых сапогах, в марте месяце, весь, опав в теле и желтый. Поднял глаза на окно: «А вот как снег на дворе: смотришь на него, никто его не трогает, а его все меньше. Так вот и я. Все меня меньше.... Куда живот делся и руки худые (т. е. от плеч). Умираю незаметно».

Лукашов Петр Степанович (?-1885 г.).

Преподаватель русского языка и арифметики приготовительного класса мужской гимназии с 1874 г. В 1874 г награжден денежной наградой в 100 руб. и получил звание коллежского регистратора. Член Педагогического совета. С 1875 г. был письмоводителем гимназии, так как у него был прекрасный почерк.

Красивый мужчина средних лет, брюнет с курчавыми волосами и бледным лицом

Учитель был строгий и даже мелочный, но подготовку давал хорошую. Пользовался авторитетом у гимназистов, которые считали его принципиальным и добротным преподавателем. Кроме того, он преподавал еще церковное пение.

Лукашова любили и на день его рождения ребята подарили ему чернильницу, которая так и стояла в классе. Гимназисты о нем распевали песенку:

Петр Степаныч Лукашов
Долетел до облаков,
Просил денег у богов
На починку сапогов.
Ему боги отказали
И в гимназию послали.

Лукашов был прекрасным воспитателем. Так Нацкий Д.И. вспоминает случай с сыном елецкого архитектора по фамилии Граф, которого учителя, шутя, звали «Ваше сиятельство» или «Василий Васильевич». Василий Васильевич учился плоховато, но преуспевал в шалостях. Лукашов догадался назначить Василия Васильеви-

ча дополнительным дежурным. Свои обязанности Граф выполнял ревностно в ущерб баловству. Другой случай: Петр Степанович в первом классе посадил за одну парту Нацкого с Виктором Глаголевым, которые стали друзьями и в гимназии и в университете. Их не раздружили даже оставления на второй год в разных классах. Глаголев оставался трижды, а Нацкий дважды. Процентомании явно не было в Елецкой мужской гимназии. Кстати, оба они получили высшее образование в Московском университете. Следует отметить, что, когда оба друга расшались, то Петр Степанович на время рассадил шалунов на разные парты.

В 1883-85 гг. болел туберкулезом легких и умер в 85 году.

Моррисон (Мор) Леонид Ронни (06.12.1848 г. – ?)

Преподаватель французского языка мужской гимназии в конце 19 века.

Родился в Рязани, но предки его были англичане. В гимназии он работал с 1887/88 учебного года по найму, а т.к. не имел чина, то эта приставка «по найму» так и преследовала его до конца рабочего стажа. Во всяком случае, в «Памятной книге Орловской губернии 1897 г.» она еще присутствует. В «Памятной книге 1909 г. его уже нет. Неясно, что с ним случилось в промежутке с 1900 г, когда он последний раз упоминается в списках.

Преподавал в 1 «б» классе в 1881\82 учебном году и в 3 «б» классе в 1883\84 учебном году, в которых учился Иван Бунин.

Был внешне и внутренне неопрятен, ленив, неряшлив, груб, картежник; и Нацкий называет его пьяницей и взяточником. Ссылаясь на его фамилию, гимназисты считали его английским жидом. «За весь курс он так и не научил нас правильно читать французские слова». Живя напротив Покровской церкви, он наблюдал игры гимназистов в ее ограде и всегда доносил о малейших шалостях ребят. Ну, прямо монстр какой-то. Однако в гимне педагогов Елецкой гимназии о нем говорится неплохо: «Виват товарищ наш верный Моррисон англичанин примерный». То есть друзья-педагоги были прямо противоположного мнения.

Вот как описывает один из случаев на его уроке Д. И. Нацкий. Вам судить: кто прав, а кто виноват.

«Учитель Моррисон задал работу – письменное упражнение. Я развернул под партой книгу и приготовился «содрать» перевод. Но Моррисон заметил и отобрал книгу, да еще на полях тетради написал : «Уличен в обмане». Я, конечно приуныл, но сидевший сзади Иосиф Юдкин посоветовал мне вырвать страницу, а Моррисон забудет, так как тетради с письменными работами проверяет не сразу. Я так и сделал, но Моррисон проверил работы в этот же день. И мало того, что поставил мне единицу, он еще записал в кондуит, доложив классному наставнику, и пришлось мне сидеть под арестом».

Нацкий описывает и еще один случай, «героем» которого стал Моррисон. Из этого описания следует, что он был оставлен на второй год в третьем классе по настоянию Моррисона, сказавшего на педсовете, что нужно перевести друга Нацкого Глаголева, хотя у того были две переэкзаменовки, и с которым они вместе шалили, а Нацкого, у которого одна переэкзаменовка, оставить, чтобы раздружить озорников. При этом вроде Глаголев - отец, дал взятку в 200 рублей англичанину. Здесь возникает сразу противоречие - Моррисон работал по найму и членом педсовета не был. Да и непонятен мотив оставления на второй год ради того, чтобы разрушить дружбу двух гимназистов. Но виден мотив, почему Нацкий так плохо описал Моррисона. Не всегда можно полностью верить мемуаристу.

Первов Павел Дмитриевич

Преподаватель греческого и латинского языка мужской гимназии. Поступил на работу в 1888 г., имея чин коллежского ассессора (VIII класс по «Табелю о рангах»), то есть чин, закончившего университет. Работал до 1895 г. и уехал в Москву уже коллежским советником (VI класс). У Первова по материалам ГАЛО была самая большая недельная нагрузка в гимназии – 12 часов. Для сравнения современные учителя имеют так называемую ставку, на которую очень трудно прожить, – 18 часов в неделю. Он также подрабатывал все это время в женской классической гимназии.

Прозвище «Колотворец». Нацкий Д.И. вспоминает: «Часто в раздражении ставил единицу. Бывало перед уроком Первова мы спрашивали учеников другого класса «Пашка свирепствовал?» и обыкновенно получали положительный ответ,

зато он никогда не робел при проверках и ревизиях даже и окружного начальства, не говоря уже и о директоре. Будучи библиотекарем гимназии, давал читать несколько книг тому, кто любил чтение и даже на каникулярное время».

В 1883-84 учебном году преподавал латинский язык и историю Бунину.

Интересным было его хобби в Елецкой гимназии. Здесь он перевел на русский язык книгу Блеза Паскаля «Мысли», которая была напечатана в Петербурге в 1889 г. Издание журнала «Пантеон литературы». Вместе с Розановым переводит 5 книг "Метафизики" Аристотеля в 1888 и 1889 гг. до переезда Розанова в г. Белый. Сперва они переводили вместе, а потом «по совершенному бессилию моему» (Розанов) разделили труд – Первов переводил, а Розанов писал «объяснения по существу». «Метафизика Аристотеля,- переводом коей с товарищем по учительству в Елецкой гимназии, П. Д. Первовым я был занят этот (1888) и следующий год, и из нее до переезда моего в другой город мы успели перевести 5 книг. Перевод был напечатан в «Журнале министерства народного просвещения».

Судьба этого перевода странная, «Журнал министерства народного просвещения» печатает всего 25 экземпляров. А в России только центральных библиотек было более 50, да еще до двух десятков университетов. Как они могли поделить 25 экземпляров? А более 500 городов, где были классические гимназии, вообще оказались без книги.

Павел Дмитриевич не только переводил, но и писал книги по истории, философии, педагогике, которые выходили в издательстве Киммеля в Риге, специализированного на греческих и римских классиках.

Между Первовым и Розановым были дружеские отношения. Первов и предложил Розанову назвать его речь на акте в гимназии «Место христианства в истории». Розанов писал о Перове, что он был очень хороший человек, честный, серьезный и деятельный, «хотя и со вздорными новыми убеждениями». Первов написал воспоминания о Розанове в Ельце «Философ в провинции».

Павел Дмитриевич затем переехал в Москву получил там известность выдающегося педагога несомненно без какой-либо протекции. В Москве Павел Дмитриевич вел колоссальную литературную, учебную и просветительскую работу. Им написано много трудов по педагогике, истории, философии, прочитаны сотни лекций и докладов в народных университетах и других просветительских организациях. После революции почти каждый вечер в библиотеке ЦЕКАБУ (Центральная комиссия по улучшению быта

ученых) можно было видеть седую, склонившуюся над книгами голову, он все изучал, переводил, писал. До последних дней своей жизни, будучи уже 70-летним стариком, Павел Дмитриевич сохранил кипучую энергию, жизнерадостность, мягкую улыбку на своем лице. С этой улыбкой старый могикан - просветитель и умер.

А вот как отзываются ученики о своем учителе.

Пришвин: «30 октября. Пятница... Вспомнился отличный учитель древних языков Первов, как он однажды осенью в классе, мельком взглянув на мокрое окно, сказал: «Мы, люди, должны быть независимы в своих делах от погоды». Тогда это было непонятно, но береглось в себе около семидесяти лет, а теперь я тем и живу, что навстречу непогоде за окном вызываю из себя солнце».

Семашко Николай Александрович, нарком здравоохранения СССР до 1930 г.: «Скромный, замкнутый, нервный, с подергиваем глаз и щеки, тихий и добрый в обращении с учениками, он был любимцем более сознательной части класса. Когда озорники начинали глупить и раздражать его, он болезненно морщился и только твердил: «Ну, перестаньте же!». И тогда мы, защищая любимого учителя, обрушивались на озорников и прекращали безобразия. Я помню, какое впечатление он произвел на нас, учащихся; я так полюбил тогда историю и древние языки, что мечтал пойти по этой части. Когда меня хотели исключить из гимназии за чтение нелегальной литературы, Павел Дмитриевич был одним из немногих, которые дали мне возможность закончить гимназию».

Петропавловский Иван Феоктистович (?- 1888 г.)

Учитель приготовительного класса мужской гимназии в Ельце. Коллежский ассессор. VIII класс по «Табелю о рангах». Соответствовал военному званию – майор. К нему должны были обращаться: «Ваше Высокоблагородие!»

Это был очень добрый человек, и ребята его любили. Когда он выходил в коридор или в общую залу, вокруг него всегда толпились его ученики «приготовишки». Материал уроков Иван Феоктистович рассказывал интересно и занимательно.

Простудившегося при болезни сердца Петропавловского лечили от желудка и, прохворав две недели, он умер. Доктор Звягинцев перепутал заворот кишок с сердечным заболеванием.

«Такой гигант. Всегда здоров «Умер! Умер!»». Старушка, квартирная его хозяйка и ее молодая дочь-вдова, и ребенок их, лет шести девочка, разрыдались, пораженные ужасом...». «Вот эта-то смерть глубоко встревожила всю гимназию, поразила меня (его друга), смертельно поразила семью Рудневых (хозяева), произвела род смятения, оторопелости: все бегали, старались спасти, уже было поздно – и разразилось отчаяние». Розанов В.В.

Но среди гимназистов существовала легенда, что он был большой любитель попить чайку и плотно покушать, что и довело его до могилы. Вроде бы, на масленице он поспорил со своим коллегой Десницким, что может съесть очень большое количество блинов, и действительно пари выиграл, но в результате скоропостижно умер. А доктор Звягинцев, зная об этом пари и жалобу Петропавловского на желудок, не поинтересовался работой его сердца.

Он был постояльцем в семье будущей жены Розанова (В доме у Введенской церкви), платил за две комнаты и стол 29 руб. На его похоронах познакомились Розанов Василий Васильевич и Бутягина Надежда Дмитриевна, спутник дальнейшей жизни философа, его «друг». Н Страхов в ответ на рассказ в письме Розанова о сердечной истории, завязавшейся у гроба Петропавловского, написал в письме стихотворение.

Любви все возрасты покорны
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям.
Дай Бог, чтобы и с Вами так было

Постников Николай Евгеньевич (?-09.12.1908).

Учитель, рисования, черчения и чистописания в Мужской гимназии по найму.

В 1869 г. получил звание коллежского регистратора, в 1870 г. губернского секретаря, работая в Елецком Уездном училище в 1860г-1870г. С 1871 года работал в мужской гимназии. Где поочередно получал звания коллежского асессора в 1888 г., надворного советника в 1894 г., коллежского советника в 1905 г. Статский советник с 1908 г. – V класс по табелю о рангах. В Мужской гимназии он выполнял обязанности библиотекаря и

был первым наставником Ване Бунину по выбору, читаемой им литературы. Причем для него он делал поблажку: давал вместо одной несколько книжек, и иногда разрешал брать книги на каникулы. Член Педагогического Совета.

Жена Софья Андреевна работала в Первом женском приходском училище с 1888 г по 1912 г. Дочь Лена, сын Николай закончил Московский Лазаревский институт восточных языков, сначала служил на Китайско-Восточной ж.д. потом в Ельце секретарем канцелярии профсоюзов.

Работал Николай Евгеньевич и в Женской гимназии с 1890 по год смерти.

Дело в том, что в то время еще пытались научить школьников не просто писать, а писать хорошим почерком. Поэтому в гимназиях был введен особый предмет «чистописание». Современные школьники об этом теперь и не знают. А раньше писали особым металлическим пером, которое вставлялось в ручку. Надо было научиться писать с нажимом: когда перо идет вниз, то нажимаешь сильнее, и линия получается жирнее, когда вверх - отпускаешь, и линия получается тоньше. Для этого подходило идеально большое, желтого металла перо №86. Остальные перья были стальные. Они тоже имели номера, но назывались проще. Уточка-с загнутым носиком, широкая и плоская лягушка, прямое рондо, крошечное чертежное. Последнее для письма не рекомендовалось. Николай Евгеньевич сам обладал каллиграфическим почерком. Можно было сравнить буквы, написанные им в разные годы. Они были совершенно одинаковы. Поэтому он любил только учеников, обладающих хорошим почерком.

По виду был довольно благообразен, но был груб в обращении с гимназистами. Заметив невнимание или шалость ученика, он без стеснения ругался, называя провинившихся извозчиками, подмазчиками, гадинами и т. п. Был большим любителем пьянки и иногда на уроки приходил нетрезвым. В этом случае ученики в накладе не оставались – они трунили над ним и допекали его. Например, гимназисты в период эпидемии игры в перышки играли не только на переменах, но и на его уроках. Пока Николай Евгеньевич помогал какому-нибудь гимназисту налаживать каллиграфический почерк, остальные гимназисты занимались игрой в перышки. Сейчас приходится сообщить читающим, что металлическое перо имело на ровной поверхности два положения, которые по очередности во время игры играющие должны были резким движением изменять. Если этого не получалось, то перо доставалось сопернику. В случае, если Николай Евгеньевич обнаруживал играющих, то перышки отбирал и ломал.

Жил в собственном доме по Старомосковской улице. Пришвин

писал, вспоминая детство: «Учитель чистописания Николай Евгеньевич Постников. Он жил в Якорной слободе в маленьком деревянном домике и мы же ездили по Якорной слободе за город, где жили. Ездили мы после занятий, когда Постников был уже дома и сидел у окна с большой белой, седой бородой. После он, наверное, уже в гимназию и совсем не ходил - всё сидел, всегда его огромная борода была у окна». Якорная слобода – это правая сторона улицы Маяковской в районе моста через Ельчик, если идти из города.

Розанов Василий Васильевич
(20.04. (2.05 по новому стилю) 1856 г.
(Город Ветлуга Костромской губернии) –
23.01. (05.02).1919 г
(Село Красюковка близ Сергиева Посада
Московской губернии).

Учитель географии и истории Елецкой мужской гимназии с 1 августа 1887 г. по 1891 год, классный наставник VII класса, будущий виднейший философ. Окончил Московский университет. В Елец он приехал из Брянска, где проработал в Брянской прогимназии пять лет в чине коллежского асессора. В 1888 г. по ходатайству директора гимназии он получает звание следующий чин надворного советника (VII класс по «Табели о рангах»), а в 1890 году он уже коллежский советник (VI класс). К нему надо было обращаться «Ваше высокоблагородие». Чин соответствовал званию полковника. Я прочитал в статье «Четыре памятных года» писателя-краеведа Виктора Горлова, в газете «Красное знамя» за 4 февраля 2006 г., что коллежский советник соответствует военному званию подполковника. Это неверно. Имел орден Святого Станислава 3-ей степени. Состоял действительным членом общества вспомоществования беднейшим учащимся Елецкой мужской гимназии.

Перед переездом у Розанова была очень неприятная женитьба на Аполлинарии Прокофьевне Суловой после окончания Московского университета в 1882 г., бывшей любовнице Достоевского, который нелюбезно писал о ней: «Аполлинария - большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в

уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям». Позже Розанов вспоминал о женитьбе на Сусловой, как об «ужасном несчастье»: «прямо огненная мука, позор, унижение». Она была на 18 лет его старше, все время изменяла ему, в то же время страшно ревновала. Рассказывают об одном эпизоде, когда в Москве он вышел из университета с какой-то барышней, то Сулова подбежала и дала ему пощечину. В 1886 г. она покинула Розанова и уехала в Париж с «новым другом». Неладья в семейной жизни и определили решение перевестись в Елец.

Из Брянска он привез свою первую книгу в 700 страниц «О понимании: опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». Эту книгу он напечатал за свои собственные деньги, но распродать не смог. Он дарил ее всем знакомым, а при переезде в Елец, оказавшись в затруднении со средствами, продал остатки «на пуды», то есть почти как макулатуру.

Поначалу жизнь в Ельце складывалась почти трагически. В Ельце многие потешались над неустроенностью жизни Розанова. Он вспоминает: «Ведь я ходил в резиновых галошах в июне месяце, и вообще был «чучело».

Мятежная душа его в Ельце не знала покоя. Ему было плохо, маленькая группа его товарищей-учителей: Первов, Петропавловский, Леонов пытались уйти от «уездной пыли» разными способами-переводами, разведением птиц, религией. Это не соответствовало его мировоззрению будущего философа и литератора. Ум его был склонен к философскому мышлению и философским обобщениям. Он пытался читать свою книгу «О понимании» гимназистам старших классов, которые отмечали его незаурядные данные, но общее состояние его было гнетущим.

По характеру он был неуживчивый и придирчивый. Как преподаватель он был сухой, то есть ограничивался в младших классах заданием и спрашиванием урока. Свои разъяснения давал редко, и не очень складно. Иногда он диктовал свои записки, но они были довольно тяжелы по языку и недостаточно вразумительны.

Несмотря на то, что от старшеклассников доходили слухи о даровитости и учёности Розанова, ученики младших классов Елецкой гимназии его не любили и называли не иначе как «Васька Розанов». Он тоже не любил своих учеников и относился к ним высокомерно. Столкновения с учащимися у него были часты. Особенно докучал его Георгий Захаров, который заранее объявлял свою программу гимназистам: «Сегодня, если Розанов вызовет меня к кафедре отвечать урок, я упаду». Действительно, он умышленно цепляет ногой парту и с большим шумом шлепается на пол,

пугая этим учителя. Розанов встает и начинает помогать ему подняться. Потом спрашивает о самочувствии, а время урока идет.

Всем известен случай исключения из гимназии М.М. Пришвина. Поэтому остановлюсь на этом случае кратко. В документах елецкой гимназии в ГАЛО находится докладная записка Розанова от 20 марта 1889 г. на имя директора Н.А. Закса, в которой подробно сообщается об инциденте, случившемся на уроке географии 18 марта 1889 г. и решение собравшегося в тот же день Педсовета: «За нарушение дисциплины, выразившееся в угрозах и грубости учителю в присутствии класса, решением Педагогического Совета ученик 4-го класса Михаил Пришвин был отчислен из гимназии». Решение его также зафиксировано письмоводителем вверху листа: "По постановлению Совета 20 марта уволен на осн. п.18 П.11 «Правил о взысканиях". Розанов в письме к Н.Н. Страхову: "Я сегодня после уроков купил трость ввиду вероятной необходимости защищаться от юного барича". Слава Богу, что трость не понадобилась».

Особенно его вывел из колеи следующий странный случай. Учились на «хорошо» во втором и шестом классах два брата гимназиста Михеевы,— оба тихие и спокойные мальчики. И вот по рассеянности младшему мальчику Розанов поставил незаслуженную двойку, да, и забыл про нее. И вот приходит к нему их отец, письмоводитель в полицейском управлении, и начинает кланяться, «противными, чуть ли не поясными поклонами». Родитель пришел извиняться, что его сын «опять не выучил урока, но что впредь этого не будет, а, однако, не повлияет ли это на годовую отметку». Розанов ответил, что нет, и ждал, когда отец ребенка уйдет, чтобы продолжить обед. Но тот говорил и говорил, и вдруг Розанов почувствовал по левой щеке такой удар кулаком, что свалился на диванчик. Ударивший бегом покинул квартиру Розанова. Розанов не стал жаловаться, но тот прислал ему извиняющееся письмо. Прочтя, Розанов положил его на свой обеденный стол, но вернувшись из гимназии не нашел его. Видно Михеев подкупил прислугу и взял письмо обратно, как «обличающий о факте документ». Розанов решил, что отец вымучивал «непременно четыре или пять» и в тоже время внутренне жалел их и эту жалость, к им же самим замученным детям, перенес на третьего. Интересно, что Василий Васильевич не перенес действия Михеева на всех родителей гимназистов. В ответ на письма Розанова, рассказывающего о Елецких городских нравах, Страхов пишет: «Да что это за поганый город Ваш Елец? Что за нравы, что за люди?» Розанов отвечает: «Очень милый, в общем,—с прелестными единичными людьми и благородными нравами... Где Иерусалим — там найдется и Иуда, но есть и Божия Матерь».

Кто же эти люди «с благородными нравами»? На похоронах своего друга Петропавловского он знакомится с семьей, у которой квартировал умерший. Это патриархальная елецкая семья, из которой когда-то вышел знаменитый проповедник и богослов Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. Глава семьи – дьяконица Александра Андриановна Руднева и ее дочь Варвара Бутягина, вдова учителя Елецкой мужской гимназии. Варвара Дмитриевна становится спутником «на всю жизнь» знаменитого критика. Любовь к Варваре Дмитриевне-«другу» началась, когда он увидел ее лицо, полное слез (именно лицо плакало, а не глаза) при смерти постояльца Петропавловского. Увидев такое горе по совершенно «чужом человеке», он остановился «как вкопанный» и это решило его выбор, судьбу, будущее. Плач у гроба сблизил два одиноких существа. В письме к Страхову в июне 1889 г. Розанов пишет: «Мы рассказали друг другу свою жизнь, со всеми подробностями, не скрывая ничего, и на этой почве взаимного доверия, уважения и сочувствия все сильнее и сильнее росла наша дружба, пока не превратилась в любовь». А мама Варвары Дмитриевны? Розанов позднее назовет ее «Великой бабушкой» и часто будет повторять ее слова «Правда светлее солнца».

Жизнь Розанова в Ельце можно оценить как переломный период. Если учительская деятельность Розанова в Ельце все более и более утверждала в нем мысль, что из него учителя не получится, то Елец стал родиной литературного дарования Розанова. Будучи учителем, он в то же время занимался журналистикой, и это было его призванием. Судьба В.В. Розанова, его мировоззрение, истоки его философских и религиозных взглядов накрепко связаны с Ельцом. В Ельце складывались воззрения Розанова на многие явления русской философской мысли от Чаадаева до Достоевского.

При поддержке Н.Н. Страхова он начал печататься в «Русском вестнике», выходившем тогда в Петербурге, затем в только что основанном журнале Московского психологического общества «Вопросы философии и психологии».

Из Ельца идут письма в Петербург к Н.Н. Страхову и в Оптину пустынь К.Н. Леонтьеву, виднейшим русским философам конца XIX века. Регулярная переписка, начатая в Ельце, продолжается до смерти философов. Леонтьев пишет: "Переписка с Вами, В.В-ч, доставляет мне уже редкое по живости своей наслаждение..." - из письма от 14 августа 1891 г.

А помимо глубочайшей по содержанию и искренности переписки в Ельце Розанов завершает работу над книгой "Легенда о Великом Инквизиторе", о великом русском писателе Ф. Достоевском. Много трудится над речью "Место христианства в истории" на торжественном акте в гимназии 1 октября 1888 г., посвященном 1000-

летию христианства на Руси, а потом, доработав, издает ее отдельной книгой в 1890 г. Название посоветовал его друг П.Д. Первов. Отдельное издание предваряло предисловие, в конце которого было обозначено: «Елец, 1889 г. 22 октября».

Ельце он вместе с учителем П.Д. Первовым впервые в России переводит на русский язык книгу Аристотеля «Метафизика», которую Министерство просвещения издает очень маленьким тиражом. Что такое 25 экземпляров для России, где 4 духовные академии и 8 университетов? Четверть века спустя Розанов с горечью пишет: «Не переведено ни одно из его глубоких творений (Аристотеля), ни «Органон», ни «Метафизика», ни «О душе» и «Физика». Вдруг два учителя в Ельце переводят первые пять глав «Метафизики». По-естественному, следовало бы ожидать, что министр просвещения пишет собственноручное и ободряющее письмо переводчикам, говоря «продолжайте! не уставайте!». Но ничего подобного, 25 экземпляров и запрещение издавать перевод частным издателям. Никакого денежного вознаграждения, но зато в Елец идут ободряющие письма от преподавателей университетов из Москвы, Казани, Одессы и Киева. И елецкие преподаватели сразу становятся знаменитыми.

В Ельце Розанов исследует феномен К. Н. Леонтьева в философском исследовании "Эстетическое понимание истории". Здесь же в Ельце он много думает о народном образовании в России, подвергает ее резкой переоценке. Эти раздумья воплотились, в 1899 г. в книгу "Сумерки просвещения". Осмысляя свой преподавательский опыт, Розанов создаст оригинальную теорию перестройки народной школы, бескомпромиссно и честно дав оценку и своему учительству в Брянске и Ельце, и самой школе. Можно сказать, что, приехав из Брянска учителем, Василий Васильевич уезжает из Ельца философом.

В Ельце он проходит через череду огорчений, обид, но и побед. Сулова не дает ему развода, и он вынужден тайно обвенчаться с Варварой Дмитриевной в Калабинской церкви детского приюта. Тайное венчание провел священник, родственник Варвары Дмитриевны с условием, что новобрачные покинут Елец немедленно. И в июле 1891 г. Розанов уезжает с женой в г. Белый.

Известна оценка З.Н. Гиппиус: "...он был до такой степени не в ряд других людей, до такой степени стоял не между ними, а около них, что его скорее можно назвать "явлением", нежели "человеком".

Ну, и кратко об отношениях между Розановым и нашими великими писателями, учащимися Мужской гимназии. И.А. Бунина Розанов не учил. Его воспоминания о разговоре с директором о Розанове во время бала в гимназии выдумка, так как Закс к тому времени уже умер. А воспоминания Пришвина в дневниках практи-

чески тоже миф, созданный писателем, все время, пытавшимся доказать, что Розанов к концу жизни жалел об инциденте с исключением Миши из гимназии. Чего только стоят записи в дневниках Пришвина с описанием побега гимназистов, где он говорит о том, что его от исключения спас Розанов, который этот побег чуть ли не одобрил. А Розанов прибыл работать в гимназию через два года после побега. Эти записи перекликаются с записями о встрече двух писателей, которые мы тоже должны знать в интерпретации Пришвина. Было или не было? Скорей всего встреча была не такой. Уж больно разговор Розанова, переданный Пришвиным, на него не похож. Все эти «дневниковые записи» являются чистейшей воды мистификацией, автором которой и выступил сам Михаил Михайлович. Пришвин в своих дневниках пишет не то, что было на самом деле. А то, как он хотел бы видеть тот или иной эпизод. Да и в своем романе «Кашеева цепь» Михаил Михайлович так опошляет своего учителя, так рисует Розанова неприятным и тенденциозным, что противоречит своим же неоднозначным многочисленным дневниковым записям. Великий путаник был Михаил Михайлович. Но не будем винить великих - они литераторы и склонны к художественным перевоплощениям.

О Ельце Розанов вспоминал, как о счастливом городе своей жизни, городом, где появились надежды и завязались традиции его будущей деятельности. «Елец-моя нравственная родина!» - восклицает философ. В письме к К. Леонтьеву в мае 1891 г. Розанов писал: «Что для Вас – Оптина Пустынь, то для меня здесь церковь Введения, и одна семья духовная (или вернее род)...». Не случайно, что он некоторые свои книги подписывает В. Елецкий.

Романов Иван Ильич.

Преподаватель математики 1-3 классах в 1881-1884 гг. в мужской гимназии. Оставил работу по причине психического расстройства. Добрый, но очень раздражительный человек, прекрасный преподаватель. Нацкий Д.И. вспоминает: «Пока я учился у него, я не знал о существовании учебника «Арифметика». Не в пример другим, он всему учил в классе на примерах и задачах. Я только по арифметике учился хорошо, потому что был хороший преподаватель Романов Иван Ильич. Мы его любили и, когда он заболел, ходили к нему в больницу. Но, вылечившись, он уехал из Ельца. Его заменил временно учитель женской гимназии, не интересовавшийся своим предметом человек, да и знавший, что работает временно. Ребята обленились и, когда пришел новый учитель Демидов стало видно, как все отстали.

Романов был классным наставником Бунина в 1883 году. 20

августа он посетил дом Высоцкого, где Иван квартировал у мещанки Анны Осиповны Ростовцевой по Рождественской улице, в доме №74. и нашел, что «квартира найдена удобною». В 1881-83 г., в 1 «б», во 2 «б» и в 3 «б» классах, где учился Бунин, Иван Ильич преподавал математику, которую Ваня никак не мог понять. По математике Бунин хуже всего успевал, и кошмар детства выразился в анекдотическом рассказе сцене свары с директором, которую описал по памяти Александр Бахрах в книге «Бунин в халате». Здесь есть такая фраза: «Неожиданно меня вызвали к доске, на которой красовались нарисованные мелом никому не нужные треугольники с таинственными обозначениями на их верхушках. Мне задавали какие-то вопросы... один, другой... я стоял как вкопанный с мелком в руках, ничего не понимал и молчал».

Сапегин Алексей Константинович.

Преподаватель истории и географии Елецкой мужской гимназии. По прибытию в гимназию он состоял в VIII классе - коллежский ассессор. Но с 1891 г был зачислен в штат и в 1895 году имел уже VII класс, в 1900 г получает чин коллежского советника, а в 1904 году стал статским советником (V класс). Член Педагогического совета.

С 1895 г. по 1915 г. работает в женской гимназии, где является секретарем Педагогического совета. Здесь же он занимается общественной работой, являясь секретарем «Общества вспомоществования беднейшим ученицам Елецкой женской гимназии» После того, как хозяйке частной гимназии В.П. Парамоновой было сделано предупреждение о том, что у нее почти все учителя без чина, она вынуждена была пригласить к себе статского советника Сапегина, увеличив ему оклад по сравнению с окладом в женской гимназии. И с 1915 г. Сапегин работает учителем истории и географии у Парамоновой. В гимназии В.П. Парамоновой он становится председателем Педагогического совета.

Хороший учитель. Первый год его работы как раз в 1887\88 учебном году, когда учителя Елецкой гимназии сфотографировались на общую фотокарточку. Он был совсем юношей с белым лицом, румянцем и ямочками на щеках, тоненьким голоском. Преподавал

он очень интересно, много знал, много занимался чтением, очень много выписывал книг из столиц. Во время объяснения горячился, то есть, восторгался или негодовал, смотря по содержанию.

Женился он еще студентом на танцовщице БТ, очень сварливой и ревнивой. Дочь, Сапегина Елена Алексеевна, преподаватель частной гимназии В.П. Парамоновой с 1911 г.

Он очень хорошо рисовал маслом, сам делал хорошие подрамники. Одну из своих картин он подарил своему бывшему ученику Нацкому. Картина изображала волнующееся море близ острова Иския, недалеко от Неаполя, по волнам плывет парусник.

В 1905 году Сапегин вступил в партию Народной свободы и редактировал в 1906 г. газету этой партии. Причем за политику он пережил немало неприятностей вплоть до тюрьмы.

Алексей Константинович жил с 1898 г по 1908 г. на Манежной в доме Савельевой; с 1909 г. по 1911 г. на Великокняжеской улице в доме Марковой (Коммунаров, 19), а с 1912 г. по улице Рождественской в доме Фалина.

А.К. Сапегин единственный из преподавателей 80-ых годов переживший революцию. В дневниках М.М. Пришвина есть записи о том, что Сапегин и после революции работал учителем (или как тогда говорили «шкрабом»-школьным работником). «17 Апреля 1920 г. . Когда патриот Коноплянцев начинает в собраниях какое-нибудь свое слово, то за ним сейчас же идут и Рында, и Сапегин, и Иванов ...».

Селехов(Селихов) Гавриил Никитович.

Законоучитель мужской гимназии с 1875 по 1908 г., был протоиереем нового Елецкого Вознесенского собора, благочинным 1-го участка в 1871-1908 гг. Преподавал также в двухклассной Церковно-приходской школе на Соборной Красной площади в 1908-1911.

Был отличным преподавателем без елейности. «Когда на письменных контрольных работах он оставался подежурить, то не придирался за переговоры учеников между собой, даже иногда по нашей просьбе помогал, например, перевести какое-нибудь слово. На уроках часто просил сделать сообщение по какой-либо философской или богослов-

ской книге, например, «Вера и разум». Преподаватели его тоже любили и в честь 60-летия подарили ему золотой наперсный крест с дорогими украшениями». (Нацкий).

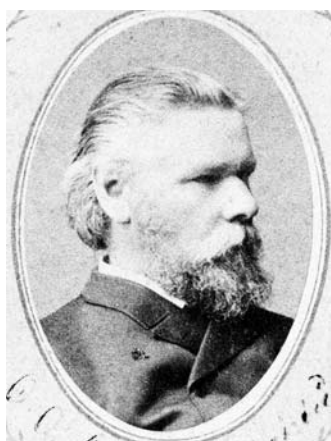
В 1906-1913 гг. был заведующим библиотекой - читальней, в память столетия Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического

Был членом многих Обществ. Член правления Попечительского общества о детском для девочек Доме Трудолюбия по Дворянской улице в 1897-1914 гг. Был членом по выбору Попечительского Совета Женской гимназии. Почетный член Общества вспомоществования беднейшим учащимся в Елецкой мужской гимназии в 1908-1911 гг.

Был много лет подряд гласным городской Думы, депутатом от духовенства.

Входил в Городской Училищный Совет и экзаменовал частные и городские училища.

Так, в архиве Заусайлова В.А. хранятся его резюме с выпускных экзаменов в частных училищах госпожи Монаенковой в 1884 году, Г. Ильинского в 1894 г., Докучаевой-Козловой в 1896 г., Глумовой в 1885 г., Васильевой в 1885 г., уездных училищах в Ламском и Александровке, в 1896 г. И везде, по мнению Селихова, знания учеников соответствовали программе соответствующих классов. Исключение составило только училище Спасское, где ученики в 1882 г. показали слабые знания по математике (12 двоек и две единицы). Гавриил Никитович здесь сделал записи о том, почему так произошло, дал советы по дальнейшей работе учителя Невского. И уже в 1884 г., присутствуя на экзаменах, он отмечает удовлетворительные знания учащихся.

**Слободзинский Федор Иосифович
(Осипович).**

Преподаватель гигиены в Мужской и Женской гимназиях, а также врач этих гимназий. Коллежский советник, VI класс по «Табелю о рангах». Обращаться к нему нужно было так: « Ваше высокоблагородие!»

Занимал очень много общественных должностей. Гласный Городской Думы в 1904-1910 гг. Член комитета по оказанию помощи бедным мещанским дочерям в

детском приюте по улице Великокняжеской. Часто исполнял обязанности председателя этого комитета. Деятельный член городского общества врачей в 1888-1912 гг. Здесь тоже часто был председателем. С 1913 г Почетный член этого общества. Был членом по выбору Попечительского Совета Мужской гимназии в 1906-1915 гг.

Федор Иосифович был хорошим врачом и пользовался популярностью в нашем городе, но вынужден был не лечить Петропавловского из-за хорошего товарища Звягинцева, который лечил от желудка, а тот умер от сердечной болезни

В гимназии ученики, пользуясь добротой Федора Иосифовича, выпрашивали справки о пропуске занятий по болезни и всегда получали их. Были и странные справки, так на основании справки Слободзинского, Бунин 7 октября 1882 г решением педсовета был освобожден от изучения немецкого языка (?).

Жил по улице Торговой, сначала в доме Петрова в 1890 г., а потом с 1891 г. в собственном доме (Угол с Покровской улицей).

Смирнов Михаил Александрович.

Преподаватель русского языка и словесности мужской гимназии в 1888-1895 г. по найму. Статский советник - V класс по «Табелю о рангах». К нему гимназисты обращались так: «Ваше Высокородие!». В 1883-84 уч. г. Бунину преподавал русский и греческий язык и, когда будущий писатель учился во втором классе, был его классным наставником.

Строгий и корректный, держался очень независимо. Член Педагогического Совета. Любил давать темы сочинений на свободную тему. Например, «Годичный акт в нашей гимназии», «Мои любимые книги в нашей гимназической библиотеке», «Ярмарка в Аргамаче» и т.д.

Пусть, что угодно писал лауреат Нобелевской премии, но получить знания по русскому языку и русской словесности самостоятельно – это на грани фантастики. Мы с уверенностью можем сказать, что появление русского писателя И. Бунина во многом обязано работе скромного елецкого учителя словесности.

Нацкий Д.И. вспоминает, что на одном из уроков русского языка гимназист Постников не слушал Смирнова. Учитель сказал ему:

«Постников! Сейчас последний урок. Так как вы не интересуетесь тем, что я говорю, так лучше собирайте свои книги и идите домой!» Постников смутился и не уходил. Тогда Смирнов добавил: «Вы может быть думаете, что я наябедничаю об этом кому-нибудь, так не думайте, - я об этом никому не скажу». И мы были уверены, что это правда.

Жил в это время на Введенской улице в собственном доме.

В 1895-1912 гг. работал помощником инспектора Московского университета (Нечто среднее между полицейским и священником).

После этого вновь приехал в Елец и работал в Елецкой женской гимназии в 1912-1917 гг., где был председателем педсовета. Здесь он преподавал русскую словесность и методику педагогики. Был председателем Общества вспомоществования беднейшим ученицам Елецкой женской гимназии в 1915. – 1917 гг.

Во время работы в Женской гимназии жил на улице Манежной в собственном доме.

Тарановский Исидор Иванович.

Преподаватель истории и географии в 1881-87 гг., малоросс редкой доброты человек. Нервный, раздражительный, которого ребята иногда доводили до бешенства, но стоило попросить прощения и все забывалось. Заводился он с пол-оборота: он так болел за свои предметы, которые казались ему самыми главными, что любое инакомыслие выводило его из себя. Но уже на этом же уроке он вдруг говорил: «Что же это я? Извините господи. На чем мы остановились?». И продолжал урок, как ни в чем не бывало. Историю знал в совершенстве, а вот географию ценил как дополнительный предмет, уделяя главное внимание изучению карт. Он оставил учительство по болезни.

В 1882\83 учебном году Исидор Иванович преподавал историю и географию во 2 «б» классе. В этом классе учился Ваня Бунин. В 1883/84 учебном году он же преподавал и в 3 «б» классе, в который перешел будущий нобелевский лауреат.

Федюшин Степан Павлович.

Обучался в Курской духовной семинарии. В Елецкой гимназии он состоял с 31 июля 1871 г. В 1875 г. получил чин коллежского асессора, с 1888 г. – он уже статский советник. Это пятый класс по «Табелю о рангах». К нему нужно было обращаться «Ваше Высочородие». Работал он инспектором и преподавал русскую словесность. Член Педагогического Совета гимназии.

Был очень строг, но справедлив. Гимназисты его любили.

Кличка его «Степик» или «Степочка», но называли его так изредка. Его предмет любили. Он старался, чтобы гимназисты полюбили русскую словесность, и читал им много, что было сверх программы, доставляя гимназистам большое удовольствие.

Был учителем, интересующимся всем и вся. Управлял церковным гимназическим хором при Покровской церкви. Была легенда, что он удачно выигрывал в карты и много пил, но на службе был всегда трезв. Он купил небольшой и красивый лес в нескольких километрах от села Телегино и хорошо за ним присматривал.

Степану Павловичу поручили на первом педсовете после постройки нового здания гимназии 24 сентября 1875 г. выступить с благодарственной речью к строителям и спонсорам. Свой доклад он закончил так: «Педагогический совет с чувством глубочайшей благодарности заносит в свою летопись имена благородных пожертвователей и ревнителей отечественного просвещения, воздвигнувших себе памятник в сердцах отдаленнейшего потомства, имеющего получить образование в стенах этого учебного заведения».

При нем совершили побег в Азию в сентябре 1885 г. елецкие гимназисты. Среди них был и будущий писатель Михаил Пришвин.

Степан Павлович на заседании педсовета гимназии 4 марта 1886 г. доложил, что ученик 4-го класса Иван Бунин до сих пор не явился в гимназию и не вносил денег за обучение. Решением педсовета Бунин в тот же день был отчислен из гимназии.

Бунин отмечал его среди других своих учителей, о нем вспоминал тепло и встречался с ним в Москве. По инициативе Федюшина были введены списки учащихся по успеваемости в каждом классе по окончании каждой четверти. В них указывалось, какое место по успеваемости занимает каждый учащийся.

При подведении итогов этого зачина Степан Павлович сказал: «Нельзя сказать, чтобы мера эта не принесла пользу учащимся: возбуждая соревнование и поддерживая энергию в воспитанниках, мера эта имела своим последствием то, что к концу года слабо успевающих воспитанников было гораздо меньше и процент переведенных в высшие классы можно было бы считать удовлетворительным».

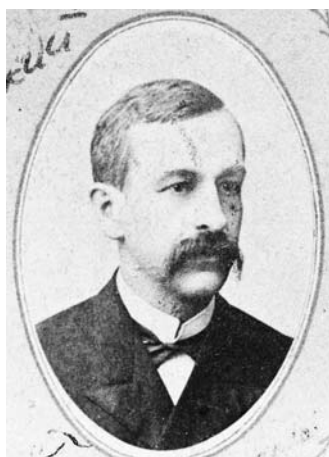
Из отчета педсовета видно, что учителя гимназии не боролись за

пресловутый процент успеваемости. В 1874-75 учебном году из 252 учеников переведено в оследующие классы всего 201.

В 1875 г. он также преподавал в женской гимназии. В этой же гимназии работала его жена Федюшина Мария Николаевна классной надзирательницей.

Когда его хоронили, будущий философ, ученик 7-го класса Сергей Николаевич Булгаков произнес речь, в которой сравнивал смерть человека с осенним умиранием природы.

Фишер Георгий Андреевич.

Учитель древних языков мужской гимназии в начале 1880-ых гг. Член Педагогического совета мужской гимназии.

Гимназисты его считали честным, принципиальным и добрым человеком. Он был хорошим учителем. Очень увлекался древней историей и привез в Елец редкие издания Тацита, Светония и других римских авторов. «Историю Галльской войны» Цезаря знал досконально. Очень интересно было слушать его на уроках, такое в учебниках не прочитаешь!

Нацкий вспоминает: «Однажды я был оставлен без обеда. С нами дежурил Фишер, (а преподаватели дежурили по очереди) и в разговоре с нами сказал что, когда мы доживем до четвертого класса, мелкие шалости не будут нас интересовать. Мне это оказалось невероятным, но слова эти оправдались».

Его фамилия читалась с ударением на втором слоге. В «учительском гимне» есть слова о том, что он любил играть в преферанс: «Виват Фишер тароватый преферанса любитель завзятый».

Литература и источники

- Бабореко. А. Бунин. ЖЗЛ. Молодая гвардия. М.2004 г.
- Бахрах Александр. Бунин в халате. М. Согласие. 2000. Стр. 148-149.
- Бабореко А. К. И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М., 1967.
- Рышков В. В. , Рышкова-Колбасникова Л. В. Рядом с Буниным (воспоминания). Рукопись. Собрание автора.
- Бунин. И.А. Собрание сочинений. Том третий. Мир книги. М. 2006 г.
- Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М. "Художественная литература". 1991г // Задумчивый странник. О Розанове
- Дмитриев А.В. Я вырос среди народа. Липецкий край в жизни и творчестве И.А. Бунина. Липецк. 2007г.
- Заусайлов В.А. Списки преподавательского состава Елецкой Мужской гимназии 1875-1917 гг.
- Михайлов Олег Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана...М. Центрполиграф. 2001 г.
- Д. И. Нацкий. Мой жизненный путь. М. 2004.
- В. П. Пушков, Л. В. Пушков, С.М. Завьялов. Елецкий интеллектуальный феномен (воспитанники Елецкой гимназии — выпускники Московского университета, 1881—1916 гг.)\ \ Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. 2004 №4(34)
- М.М.Пришвин. Дневники 1918г., стр. 205; 1919, стр. 365-366 гг. Московский рабочий. 1995.
- М.М. Пришвин. Дневники 1920-1922 гг. Московский рабочий. 1995
- Ремарчук В. В. Ректоры Московского университета. Биографический очерк. М., 1996.
- Розанов. В.В. Литературные изгнанники: воспоминания. Письма. М. Аграф. 2000. Стр.184. Примечание 1913 г.
- Розанов В.В. О себе и жизни своей. М. 1990 г.
- Розанов В.В. Уединенное М. Изд. Политической литературы. 1990
- Розанов В.В. Мимолетное. Собрание сочинений под общей редакцией А.Н.Николюкина. - М.: Республика, 1994
- Розанов В.В. Опавшие листья: Лирико-философские записки. Сост., вступ. ст. Гулыги А.В. - М.: Современник, 1992,
- В.В. Розанов. Сумерки прсвещения. Упом. издание,
- Письма В.В. Розанова к Н.Н. Страхову// Российский литературоведческий журнал. 1994 г. №5\6
- Письма В.В. Розанова к К.Н.Леонтьеву// "Литературная учеба", №6-1989г.,

Письма К.Н.Леонтьева к В.В. Розанову // "Александр Корольков. Пророчество Константина Леонтьева", С.-Петербург, Изд. С.-Петербургского ун-та, 1991г.

ГАЛО. Фонд 119, опись 1, дела 170."Елецкая мужская гимназия. Журнал педагогического Совета 1885 года".

ГАОО. Ф. 534. Арх. №185. Лл. 17-18.

ГАЛО, ф.119, оп.1, д.200-ОЦ, Лл. 70-71. Формулярный список о службе преподавателя, философа В.В. Розанова. Елецкая гимназия.

ГАЛО. Ф. 119, оп. 1, е. х. 225. «Елецкая мужская гимназия. Списки учеников, выбывших из гимназии за 1888 - 89 учебный год».

ГАОО. Ф.580. Ст.2. Оп.1. Д. 4409.

ГАОО. Ф.580. Ст.2. Оп. 1. Д.3376.

Описание материалов фонда И.А.Бунина Орловского музея И.С.Тургенева. Орел. 1979 г.

Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М. Госполитиздат. 1960 г.

Варламов А. Пришвин. ЖЗЛ.М. Молодая гвардия. 2003 г.

Александр Николукин. Розанов. ЖЗЛ. М. Молодая гвардия. 2001

Первов П.Д.. Философ в провинции. Воспоминания о Розанове. СПб. 1906 г.

Памятная книга Орловской губернии 1897 г.

Памятная книга Орловской губернии 1909 г.

Памятная книга Орловской губернии 1910 г.

Памятная книга Орловской губернии 1915 г..

Памятная книга Орловской губернии 1916 г.

Пришвина В.Д. Путь к слову. М. 1984 г.

Шиков С. Как строилась мужская гимназия. Газета «Красное знамя» от 11 июля 1995 г.

Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был 24 января 1722 г.

Смакетировано, сверстано, отпечатано
в РИЦ "Апельсин" (ООО "Меганом"),
г. Елец, ул. Свердлова, 143,
тел. (47467) 39-5-39.
Заказ № 11187. 2009. Тираж 10 экз.